

ГЛАВА ПЕРВАЯ МЫ С БЕРТРАМОМ ПОМОЛВЛЕНЫ

Он даже купил мне кольцо. Оно очень необычное — изумруд в центре, в окружении чередующихся маленьких бриллиантов и аметистов, оправка из белого металла. Я думаю, что это кольцо сделано на заказ специально для меня. Надевая его мне на палец вчера вечером после ужина, он что-то лепетал про мою уникальность, про то, что я достойная и заслуживающая уважения женщина. Присутствовали только Ганс с Ричендой, но Бертрам все равно очень смущался. Надеюсь, он не будет в дальнейшем смущаться из-за моего происхождения — или, скорее, того, что он думает о моем происхождении, так как мне еще только предстоит рассказать ему правду. Или все дело в том, что он знает о моей помолвке с Рори? Мы были помолвлены совсем недолго, и я никогда не говорила об этом прямо. Я никогда больше не буду об этом даже заикаться — ни при каких обстоятельствах, а Рори — человек благоразумный, хотя и ревнивый. Надеюсь, ему хватит здравомыслия тоже не упоминать о нашей помолвке.

Из-за этого я задаю себе вопрос: сказал ли Бертрам Рори о том, что мы теперь официально обручены? Сейчас Рори служит мажордомом в поместье Бертрама «Белые сады». Оно расположено на болотах, дом регулярно заливает водой, и мне кажется, что он обречен — ничего хорошего при расположении в таком месте ждать не приходится. Большинство господ не делятся сокровенным со слугами, не доверяют им свои тайны, ну, если только камердинерам. Взаимоотношения джентльмена и его камердинера могут быть совершенно особенными и таинственными. Это очень желанная и престижная должность. Я думаю, что многие слуги считают ее чем-то похожей на должность хранителя королевских покоев во дворце. Камердинер оказывается ближе всех к господину в доме джентльмена. А Рори время от времени выполняет обязанности камердинера Бертрама и прислуживает ему, когда Бертрам останавливается в доме Мюллеров, я же все еще технически остаюсь компаньонкой Риченды, причем компаньонкой, которой платят жалованье. Все это довольно запутано.

Бертрам, Рори и я неоднократно попадали в такие ситуации, где мы оказывались на равных. Мы раскрывали тайны. Мы тщетно пытались добиться справедливого обвинения в убийстве старшего брата Бертрама и Риченды, Ричарда, а также признания его виновным в совершении ряда других чудовищных и гнусных преступлений. Вначале этими делами занимались только мы с Бертрамом, и один раз у нас даже получилось надеть на Ричарда кандалы. Затем в доме появился Рори, человек

очень умный, что не всегда идет ему на пользу. Его один раз даже несправедливо обвинили в убийстве, и он стал частью нашего странного трио. Мы втроем подписали документ под грифом «совершенно секретно» — обязались посвятить свою жизнь нашей стране и монарху, если нас к этому призовут. В прошлом такие призывы исходили от одного весьма раздражающего, хотя и довольно обходительного типа — шпиона по фамилии Фицрой, и если честно, я была бы очень рада больше никогда в жизни его не видеть.

— О, какие цвета! Вы только посмотрите! — взвизгнула Риченда. Основное блюдо только что унесли. На самом деле такой энтузиазм, как сегодня при виде моего кольца, Риченда раньше демонстрировала только в ожидании подачи на стол пудинга.

— Очень необычное кольцо, — сказала я.

Бертрам решил встать на одно колено перед тем, как подарить мне кольцо, хотя он сделал мне предложение руки и сердца (а я его приняла) еще несколько недель назад. Он нежно смотрел на меня своими карими глазами, и его взгляд очень напоминал взгляд нового члена семьи — недавно приобретенного спаниеля¹.

— По-моему, оно очень красивое, — заявила я.

— Цвета суфражисток, Эфимия! — воскликнула Риченда. — Как здорово заполучить мужа, который верит в справедливость нашей борьбы.

¹ Это был подарок Риченды удочеренной ею Эми, чтобы отвлечь внимание девочки от недавно родившихся близнецов — ее младших брата и сестры.

Сказав это, Риченда мгновенно впилась зубами в булочку, чтобы не демонстрировать неподобающих или неуместных эмоций. (Я думаю, что Риченде потребуется немало времени, чтобы сбросить набранный во время беременности вес, если у нее это вообще когда-нибудь получится.)

Ее муж Ганс, элегантный мужчина, наполовину немец, мой добрый друг, с трудом сдержал вздох.

— Моя дорогая, может, это кольцо означает что-то другое? — высказал предположение он. — Может, оно имеет какое-то особое значение для них двоих? На кольце моей матери драгоценными камнями было выложено слово «любимая».

Ганс не против равенства мужчин и женщин, но придерживается вполне определенного мнения о том, как его следует добиваться. Он до сих пор испытывает раздражение от того, что из-за Риченды я оказалась в неприятной ситуации — в гуще яростной драки, а потом и в тюрьме...¹

Бертрам встал и уселся за стол. Он посмотрел на меня, я едва заметно кивнула.

— Да, оно имеет значение для нас, но я не думаю, что мы сейчас готовы об этом рассказать. Да, дорогая?

Я слегка дернулась, услышав обращение «дорогая», но кивнула, показывая, что согласна. Я прекрасно знала, что Бертрам таким образом показывает, признает равноправие женщин, но ни он, ни я не

¹ Пожалуйста, прочитайте мои записки под названием «Смерть за правое дело».

хотели прямо говорить об этом Риченде. Ведь тогда между хозяевами дома начнется спор.

— Это прекрасно, — сказала Риченда, затем вздохнула и опустила глаза на внушительных размеров бриллиант в кольце, которое Ганс подарил ей, когда делал предложение. После этого она укоризненно посмотрела на мужа. Ее кольцо, несомненно, стоило дороже моего (Ганс — успешный банкир), но Риченда всегда ругает мужа за отсутствие романтизма¹.

— Когда свадьба? — спросил Ганс.

Бертрам слегка покраснел и попытался ослабить воротник.

— В поместье продолжают работы. Боюсь, что церковь там пока не готова к проведению церемонии — из-за сырости и разросшегося мха. Нужно какое-то время, чтобы все подготовить. Кроме того, как вы можете догадаться, мой брат намерен вставлять нам палки в колеса, если только это у него получится.

— Не понимаю, какое отношение ваша помолвка имеет к нему, — объявил Ганс. — Я буду счастлив предоставить в ваше распоряжение свое поместье. Подумайте о свадьбе у нас. Деревенская церковь здесь очень красивая.

— О, мы не можем навязываться, — пролепетал Бертрам.

Ганс мило улыбнулся:

¹ Я думаю, что Ганс вполне мог бы быть романтичным, если бы Риченда не провоцировала его так часто.

— Послушай меня, Бертрам. Эфимия жила у нас как член семьи, и я почти за честь организовать ее свадьбу у нас.

Это был наиболее подходящий момент для того, чтобы сообщить им, что мой дед был графом. Но мой язык прилип к нёбу. Я нанялась в услужение в семью Риченды после смерти моего отца, начала горничной. Мою матушку уже давно лишили наследства за то, что вышла замуж за местного vicar. Это был брак по любви, но вскоре ситуация изменилась, и начались несчастья. Когда отец умер от сердечного приступа, упав лицом в тарелку с бараниной и луком, моя матушка, младший брат и я оказались в отчаянной ситуации. В те времена моя матушка совсем не пользовалась популярностью у местных священнослужителей, и нам очень быстро вручили уведомление с требованием освободить дом приходского священника. Поэтому я приняла решение наняться в услужение, чтобы содержать мать и брата Джо. Матушка болезненно это восприняла, но была вынуждена признать, что выбора у нас нет. Она арендовала домик, переехала в него и пугала местных жителей уроками игры на фортепьяно¹.

Я поднималась по службе, а матушка решила сделать все для того, чтобы я прекратила работать на других людей, причем с присущим ей упорством. Она ничего не знала про расследования убийств, в которых я участвовала. Я уже начала опасаться,

¹ Она также пыталась держать свиней, но чем меньше я буду об этом рассказывать, тем лучше.

что она собралась замуж за епископа только ради моего спасения, но потом поняла, что этот высокопоставленный священнослужитель является лучшим кандидатом для того, чтобы помочь ей вернуться к тому образу жизни, который она вела до брака с моим бедным отцом. Я понятия не имела, как ей удалось заполучить епископа, но подозреваю, что это была очень тщательно спланированная кампания.

— Нам нужно, по крайней мере, подождать, пока мать Эфимии снова выйдет замуж, — сказал Бертрам и сообщил: — Она собирается замуж за епископа.

— Боже праведный! — воскликнула Риченда. — За епископа? Твоей матери повезло. А раньше она за кем была замужем? За фермером?

— За викарием, — сказала я.

— Это очень благородная профессия, — объявил Ганс и предостерегающе взглянул на жену.

— Сельская девушка перебирается в епископский дворец! Это для нее будет кардинальная перемена образа жизни, — продолжала говорить Риченда.

— Предполагаю, что она сможет соответствовать и держаться должным образом, — сказала я, а потом добавила про себя, что моя матушка за несколько дней запугает всех местных священнослужителей и заставит их себе подчиняться. Несмотря на маленький рост и хрупкое телосложение, моя матушка производит впечатление и до сих пор с удовольствием вспоминает, как доводила до слез одного герцога в годы своей беззаботной юности.

— Конечно, сможет, — сказал Ганс. — Ведь Эфимия всегда вела себя как истинная леди. У нее манеры настоящей аристократки.

Риченда нахмурилась. Ей никогда не нравилось слушать, как Ганс восхищается мной. Да ведь и подобные слова едва ли могли быть адресованы Риченде. Несмотря на все усилия Ганса, она до сих пор отказывалась брать на себя обязанности хозяйки поместья. Навещать больных, решать вопросы со слугами, заниматься сотней других дел, которые неизбежно появляются в поместье такого размера, приходилось мне. По крайней мере, она не просила меня организовывать обеды и ужины и заниматься приемом гостей. К сожалению, она решила этот вопрос, просто отказавшись устраивать приемы. Риченда жаловалась на свою занятость, но на самом деле единственными обязанностями, к которым она подходила серьезно, были уход за лошадью и забота о детях: удочеренной Эми, одной из выживших пассажиров «Титаника», и близнецами Александром и Алисией, которых Риченда недавно родила. Двое последних были счастливыми, довольными, пухленькими маленькими херувимчиками, как раз такими детками, о которых мечтает большинство молодых мамочек. Наконец нам удалось найти деревенскую девушку для ухода за младенцами, но только Риченда, Ганс и я могли справиться с Эми, которая была такой же неуправляемой и дерзкой, как ее огненно-рыжие волосы.

— Ты думаешь, нам следует организовать вечеринку в честь вашей помолвки? — спросила Риченда с вызовом.

— О нет, я не думаю, что тебе стоит об этом беспокоиться, — ответила я, беспомощно бросая взгляд на Бертрама. На его губах промелькнула легкая улыбка.

— Эфимия считает, что это будет невежливо из-за предстоящей свадьбы ее матушки. Подобное мероприятие же обычно организует мать невесты, — пояснил Бертрам.

— В таком случае она должна приехать сюда и все организовать, — объявила Риченда. На ее лице появилось упрямое выражение. Я прекрасно его знала и знала, что оно не предвещает ничего хорошего.

На самом деле моя матушка один раз приезжала в это поместье, но останавливалась у местного vicar — потенциального кандидата в мужья, как я знала, которого матушка признала недостойным. К сожалению, моя матушка предпочла не показывать, что ее дочь является одной из служанок, и скрыла нашу родственную связь от Риченды. А что еще хуже, так это то, что Риченда узнала от моей матушки, что та — дочь графа, пыталась с ней подружиться, но матушка ее осадилась. Я думаю, что это объяснялось не только тем, что матушке не понравилась сама Риченда, отца которой она считала выскочкой (он был банкиром, получившим титул баронета только в конце жизни), но и беспокойством обо мне. Поэтому для меня было важно не допустить их встречу.

Я умоляюще посмотрела на Ганса. Он приподнял бровь.

— Эфимия, это ваша свадьба с Бертрамом. Мы не будем делать ничего, чего вы не хотите. Все только с вашего одобрения!

Бертрам откашлялся, что явно свидетельствовало о его смущении.

— Нам с Эфимией нужно обсудить ряд вопросов, но я думаю, что она будет счастлива, если свадьба пройдет у вас в поместье, Ганс. Это очень широкий жест с твоей стороны. Может, «Белые сады» отремонтируют к медовому месяцу.

Я как раз сделала глоток, когда он произнес эту фразу, и жидкость пошла не в то горло. Следующие несколько минут меня хлопали по спине, а Риченда бегала кругами и кричала (бесполезно), чтобы принесли нюхательную соль. Когда я прекратила кашлять, Бертрам страдальчески посмотрел на меня. Ему очень хотелось, чтобы я полюбила его поместье, а не только его самого (несмотря на поместье).

Ганс, участвовавший в приведении меня в чувство (хлопая по спине), взял мою руку в свою.

— Я уверен, что мы придумаем что-нибудь лучше, — сказал Ганс. — Я совсем не хочу сказать, Бертрам, что твое поместье не является милым местом. Но медовый месяц нужно проводить там, где вы оба еще никогда не были. — Ганс подмигнул мне. — Я поговорю с ним, сестра.

Вначале я не поняла последнее произнесенное им слово, но потом до меня дошло, что мы в некотором роде получаемся братом и сестрой, пусть и не связанными кровными узами, — он женат на сестре, я выхожу замуж за брата. По моим нервным окон-

чаниям пробежало странное возбуждение. Я одновременно радовалась тому, что становлюсь родственницей такого джентльмена, и при этом (я не могла этого отрицать) немного сожалела о том, что между нами никогда не будет чего-то большего. Было бы неприлично это признать, но между нами, несомненно, было притяжение. Однако Гансу требовалось жениться на деньгах.

Ганс посмотрел мне прямо в глаза, и я поняла, что наши мысли движутся в одном направлении.

— Сестра, — повторил он, взял мою руку и быстро поцеловал. Бертрам громко откашлялся.

Я повернулась к нему и положила ему руку на плечо.

— Когда я думаю о том, как мы все познакомились, нынешнее положение дел кажется чудом, — сказала я. — Мне так повезло, что вы все присутствуете в моей жизни.

Я посмотрела на Бертрама с любовью. Я говорила искренне. Ганс был недолгой романтической мечтой, но я не сомневалась, что Бертрам со своим заливаемым водой поместьем и всем остальным, что у него есть, — это главная любовь в моей жизни. Казалось, что впервые в моей жизни все складывалось хорошо.

— Как здорово, что я потрудились купить им подарок на обручение и могу его вручить, а не просто предлагать организовать все в нашем доме, — объявила Риченда. Все повернулись к ней. Боже праведный, молилась я, только бы ей не пришло в голову придумывать фасон моего свадебного платья! Риченда разбирается в моде не лучше лошади.